

Талантливая поэтесса и известная переводчица Вера Клавдиевна Звягинцева (1894–1972), по словам её близкой подруги Елены Новиковой (ей посвящено стихотворение «Много всего, ох, как много всего...»), «была человеком самобытным, сложным и в известном смысле противоречивым. В ней было редкое сочетание разнообразных и, казалось бы, исключаящих друг друга черт: широта натуры, любовь к большому шумному обществу и способность к задушевному интимному общению с друзьями...» А среди её друзей были поэты Максимилиан Волошин и Марина Цветаева, Арсений Тарковский, Павел Антокольский и Борис Пастернак, актёр Олег Фрелих, литературоведы Николай Гудзий и Сергей Дурылин... С последним её связывала многолетняя дружба, длившаяся до смерти Сергея Николаевича. Письма от него летели Вере Клавдиевне из Крыма и Томска, из Киржача и подмосковного Болшева.

Вера Клавдиевна Звягинцева родилась 31 октября (12 ноября) 1894 года в Москве, но в детстве жила в селе Кунчерове Кузнецкого уезда Саратовской губернии, училась в гимназиях Пензы и Кузнецка.

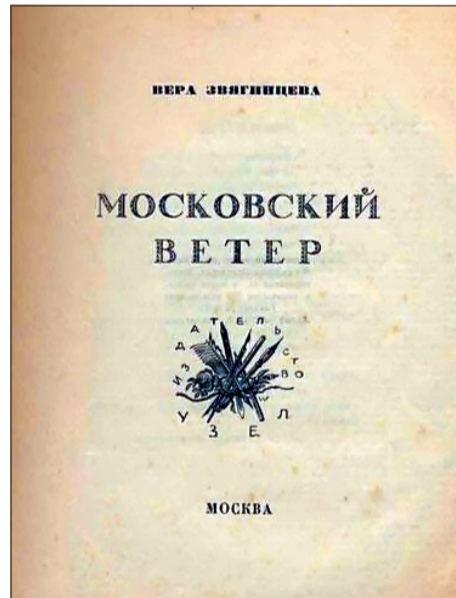
Вера Клавдиевна начинала свой творческий путь актрисой. Она училась в театральной школе актёра Художественного театра Александра Адашева, затем — на театральных курсах у артистки Малого театра Матвеевой, по некоторым сведениям, окончила курсы сценического искусства Елены Музиль. Став профессиональной актрисой, Звягинцева работала в столичных труппах — в Театре комедии, Театре Мейерхольда, во Втором советском передвижном театре, в Театре РСФСР. Задолго до этого Вера стала писать стихи, и хотя в 1922 году, когда вышел её первый сборник стихов «На мосту», она, по её собственному выражению, «подхалтуривала» на сцене, в итоге выбрала поэзию. Не скрою, моей библиофильской душе льстит, что в моём собрании имеется этот сборник, некогда принадлежавший поэтессе и переводчице Нине Манухиной (1893–1980).

В 1926 году в издании товарищества поэтов «Узел» вышел второй сборник стихов Веры Звягинцевой «Московский ветер». Она изредка печаталась в газетах, выступала с чтением стихов, в основном в рабочих аудиториях, иногда вместе с актёром Олегом Фрелихом (кстати, ему в первом сборнике поэтессы посвящено стихотворение «Странный гость вошёл внезапно...»). Не отказывалась Звягинцева и от заработков, правда нерегулярных, — от печатания на пишущей машинке.

1935 год отчасти определил будущую литературную деятельность Веры Звягинцевой: тогда был напечатан её перевод армянского поэта Гегамы Сарьяна. С той поры началась плодотворная переводческая работа Веры Клавдиевны. Она на несколько десятилетий погрузилась в переводы украинских, армянских, грузинских, белорусских, кабардинских и других поэтов народов СССР. Переводила также персидские газели и касыды (Руми, Джамин). Особенно многочисленны её переводы с армянского (О. Туманяна, М. Налбандяна, А. Исаакяна). Следует отметить, что переводами успешно занимались многие советские поэты, например Владимир Державин, Арсений Тарковский, Семён Липкин. Но все по-разному расценивали эту работу. Так, Тарковский в стихотворении «Переводчик» (1960) сетовал: «Для чего я лучшие годы / Продал за чужие слова?» И рефреном у него шли строки: «Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова». Взяв первые две строки в качестве эпиграфа, Вера Звягинцева в стихотворении «Другу-переводчику» изложила своё отношение к переводу: «Нет, мы не годы продавали — / Кровь по кровинкам отдавали. / А то, что голова болела, — / Подумаешь, большое дело...» Завершила так: «Ты с фонарём в руках шагаешь, / То там, то тут свет зажигаешь, / Как твой же путевой обходчик. / ... Вот что такое переводчик».

В квартире Веры Звягинцевой и её мужа Александра Ерофеева на улице Пятницкой регулярно, обычно по средам, собиралась довольно разнородная публика — артисты, литераторы, сослуживцы Александра

Сергеевича. На средах шли разговоры о литературе, читали стихи сама Вера Клавдиевна и гости — София Парнок, Георгий Оболдуев... Посетителями сред были поэты Павел Антокольский, Владимир Луговской, прозаик Леонид Леонов, литературоведы Николай Гудзий и Иван Розанов, кинорежиссёр Всеволод Пудовкин, с которым Звягинцева познакомилась во время участия в выездных спектаклях перед красноармейцами; общий друг четы хозяев Наум Белинский. Бывали и друзья Веры Клавдиевны по сцене: Олег Фрелих, Евгения Глубоковская. Частым гостем был Сигизмунд Кржижановский, литературный талант которого Звягинцева ценила и специально приглашала гостей послушать его новый рассказ или повесть. Иногда Вера Клавдиевна с мужем и несколькими друзьями совершали экскурсии по Подмосковию — ездили в Мураново, Абрамцево, Архангельское.

Эта книга была издана при жизни автора.

В начале 1929 года Вера Клавдиевна и Александр Сергеевич переехали с Пятницкой улицы в отдельную двухкомнатную квартиру в кооперативном доме в Хоромном тупике. Приобретение квартиры, а затем выплата пая требовали определённых усилий. Материально семья была стеснена, но со стороны это было незаметно. На новой квартире уже не было регулярных сред, но гости собирались часто. Постоянными посетителями были художник Пётр Сивков, подруга Звягинцевой по сцене Наталия Белевцева с мужем, автор популярной пьесы-сказки «По щучьему веленью» Елизавета Тараховская, поэтесса Клара Арсенева. Заходил Борис Пастернак, много говоривший, но стихов не читавший. Нередко заходили Николай Гудзий и Сергей Дурылин.

Дружба Сергея Николаевича и Веры Клавдиевны завязалась в 1920-е годы и прошла испытание временем и невзгодами. После того как они особенно сблизились летом 1926 года во время отдыха в Коктебеле у Максимилиана Волошина, между ними установилась переписка, длившаяся не одно десятилетие. В фонде Веры Звягинцевой в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранятся письма Дурылина к Вере Клавдиевне, по-

«Я пишу,

120 лет со дня рождения Веры Звягинцевой

Вера Звягинцева. 1931 год.

свящённое ей стихотворение и автографы Сергея Николаевича.

На оттиске своей статьи «Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора» Сергей Дурылин написал: «Дорогой Вере Клавдиевне Звягинцевой с утверждением взаимным и нежным: «Неподвижно лишь солнце любви»: о нём робкий лепет в этой книжке. Автор. 9 марта 1930 г. Надпись на оттиске статьи «Дело» об имуществе Гоголя» лаконичнее: «Дорогому другу Вере Клавдиевне Звягинцевой — от автора».

Первые письма Дурылина к Звягинцевой связаны с крымскими впечатлениями. В августе 1926 года Сергей Николаевич писал из Коктебеля в Москву Вере Клавдиевне, уехавшей оттуда раньше: «Хороший Вы лирический человек, — и как мне близки Ваши стихи». В другой раз попросил: «Стихов своих пришлите непременно». Много писал он о Пушкине, Тютчеве, Фете, Пастернаке...

В 1928–1930 годах тональность писем и открыток, которые Дурылин посылал Звягинцевой в Крым и Москву, уже другая, ведь в это время Сергей Николаевич находился в ссылке в Томске («Мой новый адрес: Никитская ул., д. 62, кв. 1»).

Почтовая карточка, отправленная из Томска в июле 1928 года по адресу: «Крым, Феодосийский округ, Коктебель. Дача М.А. Волошина. Вере Клавдиевне Звягинцевой», с лаконичным, но ёмким содержанием: «Дорогая Вера Клавдиевна! Спешу ответить Вам на последнее Ваше письмо. Да, Вы хорошо мне ответили: и я, как Вы, хочу одного: правды, радости, прелести, свободы и добра! Этого — и ничего другого. И должен (быть) об этом разговор. Пишите мне о Крыме. Я хочу юга хоть в письмах, а ещё лучше в стихах. Максимум привет. 6.VII. Ваш С.Д.».

Сергей Николаевич признавался Вере Клавдиевне: «Я очень люблю Коктебель — и очень рад, что он Вас обрадовал силою, покоем...» Он просит Звягинцеву сообщить, «кто в Коктебеле и нет ли там Габричевского». В другом письме спрашивает: «Кто сейчас в Коктебеле? Там ли Саша Габричевский?» Получив ответ, пишет: «Отзыв Ваш о Габричевском меня порадовал. Да, он «дружески жаден на радость». (...) Я его люблю».

В одном из писем Дурылин советовал Звягинцевой: «Не забудьте побывать на обратном пути в Феодосии, у Конст. Фёд. Богаевского (Дурантовская ул., д. 5), посмотреть его чудесные вещи, и кланяться от меня. Он пишет мне и шлёт рисунки и каталоги своих выставок. Это меня радует».

Вот ещё несколько выдержек из писем Сергея Дурылина Вере Звягинцевой:

«Макс (Волошин. — Л.Г.) прислал мне грустное письмо. Люди его порядочно измучили. Вы почитайте ему хорошие стихи и вообще «озвягинствуйте» его: стихи Ваши — доброе дело».

«Пришлите мне коктебельские Ваши стихи. Макс, должно быть, не пишет стихов. Прислал 2 акварели — одну мне, а другую — той самой Ирине (Комиссаровой, последовавшей за Дурылиным в ссылку. — Л.Г.), о которой Вы меня спрашиваете. «Объяснить» Вам Ирину очень трудно, т. к. это значило бы рассказать Вам мою биографию за последние 8 лет. Это можно сделать только лично. Кое-что Вам мог бы рассказать Макс».

«Макс скажите, что маслины получены и благоухают на столе у меня, и поблагодарите от меня его и Марусю (жену Волошина. — Л.Г.)».

«Макс Вас всегда выделял из проходящих через Дом поэта».

«А вот Ваших коктебельских стихов жажду. Хочется получить и Ваш «Дом поэта» (1926 г.). Я новых стихов не писал. Захотелось послать Вам старые. Я написал их в 1925 г. летом, думая о Крыме».

Почтовая карточка, отправленная Дурылиным весной 1929 года из Томска в Москву на новый адрес Звягинцевой, содержала вопрос: «Вы в этом году поедете в Коктебель только в стихах?»

«Жду стихов Парнок, — писал Сергей Дурылин Звягинцевой. — Стихи её я читал ещё в «Северных записках» в 1913 г. и считаю её поэтом школы Боратынского. Вы знаете, что в моих «устах» — это бо-о-ольшая похвала».

В письмах Сергей Николаевич также делился мнением о творчестве других современных поэтов:

«У Сельвинского нет ни на йоту ни лирического, ни трагического. Описатель. Ему нужно писать прозой».

«Антокольского я знал мальчиком 9–10 лет, когда он учился в «Доме свободного ребёнка» в 1906 или 1907 г. (...) Затем, в 1910 г., примерно, когда он учился в гимназии Кирпичниковой, я читал его тогдашние стихи. В стихи его теперешние я ещё не вчитывался... Вот в Ваши вчитался — и принял их, в Парнок — тоже, поменьше».

«Боря Пастернак — другое дело. Я-то знаю, что тут никакой пиротехники, всё, как есть, своё и от себя, — другое дело, столь ли ладное, мудрое, поющее, заставляющее рыдать, как Фет...»

Находясь в томской ссылке, Сергей Дурылин в октябре 1929 года получил письмо Веры Звягинцевой с отрывком из «Охранной грамоты» Пастернака, писавшего: «В то время и много спустя я смотрел на свои стихотворные опыты как на несчастную слабость и ничего хорошего от них не ждал. Был человек, С.Н. Дурылин, уже и тогда поддерживавший меня своим общением. Объяснялось это его беспримерной отзывчивостью». Эти слова послужили для Сергея Николаевича толчком для записи воспоминаний о его дружбе с Пастернаком. Вере Клавдиевне он сообщал: «Пишу записки, — и писал вчера, как в 1908 г. мы с Б. Пастернаком в Светлую ночь слушали звон Ивана Великого...»

В своих письмах из ссылки Сергей Николаевич не жаловался на условия жизни. Лишь в одном из них у него вырвалось: «Всё бы хорошо, — плохо, что у меня нет и не может быть заработка. Кое-что подрабатывал в «Сибирс. энциклопедии» (есть такая), но это — гроши. Сижу и думаю: чем бы заработать? Написал статью о Сурикове и послал в один сиб. журнал (Суриков-то сибиряк, по счастью)... (...) Зарабатывать печатаньем я не любил и не люблю, — и, к сожалению, это единственный, возможный для меня, способ заработка».